

Д.Ю.Асташкин

ХОЛОКОСТ И СУДЫ НАД НАЦИСТСКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В РСФСР: СМОЛЕНСКИЙ ПРОЦЕСС 1945 ГОДА

В Смоленске прошел первый в РСФСР открытый суд над немецкими военными преступниками (декабрь 1945 года), их обвиняли в уничтожении гетто Смоленска. Из-за политических ограничений тема Холокоста проходила двойной фильтр: юридический и пропагандистский. Кроме того, на суде не проводилась четкая связь между организаторами казней (немецкие военные преступники) и исполнителями (коллорабационисты). Ни суд, ни пропаганда не показали Холокост как систему. Пропаганда не содержала информации о причинах и мотивах казней евреев, о связях конкретных организаторов и исполнителей. Тем самым советский суд не дезавуировал антисемитскую пропаганду нацистов, а просто умалчивал о ней. Материалы всех судов над военными преступниками были засекречены в СССР даже для родственников жертв. Поэтому нарратив о Холокосте в Смоленской области и сейчас базируется на искаженных материалах советской пропаганды и немногочисленных исследованиях. Поэтому мы попытаемся представить выводы, полученные в ходе создания научно-популярной выставки «Советский Нюрнберг».

Ключевые слова: СССР, Холокост, Смоленск, трибунал, военные преступления, нацисты, гетто, коллаборационизм

Материалы советских открытых судов над военными преступниками представляют собой уникальный и малоизученный источник знаний о Холокосте и вине коллаборационистов в нем. Уголовные дела насыщены разнообразными документами: акты комиссий 1942—1945 гг., фотографии мест преступлений и эксгумаций, судебно-медицинские экспертизы, свидетельства жертв и очевидцев, признания самих преступников и даже письма в суд от советских граждан. Частично эти материалы тиражировались пропагандой и вошли в официальный советский нарратив о войне. Вместе с тем пропаганда искажала установленные судом факты о Холокосте, а уничтожение евреев изображалось не как масштабная система, а как отдельные случаи.

В 1940-е годы по политическим причинам на большинстве открытых судов в СССР судили только иностранных военных преступников и не упоминали имена их пособников из числа советских коллаборационистов. Суды над коллаборационистами в 1940-е годы почти всегда были закрытыми, спешными и оттого неэффективными. Свою вину в уничтожении евреев коллаборационисты скрывали, а у лагерного следствия не было времени и возможности изучать их преступления на месте. Поэтому многие убийцы получили формальный приговор в 25 лет каторги, а потом были все вместе амнистированы в 1955 году. Таким образом, об уничтожении евреев и гетто знали многие очевидцы, но мало кто знал о судебном наказании конкретных лиц за эти преступления. Лишь советские открытые суды 1960-х годов впервые публично возложили вину за казнь евреев на конкретных коллаборационистов.

Из-за политических ограничений тема Холокоста в материалах пропаганды была представлена неполно (например, евреи обозначались как «советские люди») и вне системы антисемитской политики оккупантов. По сути, тема Холокоста проходила двойной фильтр: юридический и пропагандистский. Кроме того, на судах не проводилась четкая связь между организаторами казней (немецкие военные преступники) и исполнителями (коллорабационисты). Мы разберем эту проблему на теме Смоленского процесса 1945 года. Тему Холокоста в Смоленске изучали отечественные (И.А.Альтман) и зарубежные (L.R.Cohen) авторы, но судебный аспект изучен мало. Поэтому мы попытаемся представить выводы, полученные нами в ходе создания научно-популярной выставки об открытых судах «Советский Нюрнберг» (Государственный центральный музей современной истории России, ноябрь 2015 года; также показана в Смоленске в январе 2016 года).

Областная комиссия ЧГК в 1945 году подсчитала (по неполным данным): всего на территории Смоленской области (до войны в ней было 54 района) погибло 151 319 мирных граждан, еще 164 630 человек угнали в рабство, уничтожено 230 137 военнопленных. В этом акте областной ЧГК все погибшие обозначены как «жертвы злодеяний немецко-фашистских захватчиков», без выделения национальности. Поэтому подсчитать количество убитых евреев крайне сложно [1]. Попробуем реконструировать это число. В довоенной Смоленской области (в современных границах) проживало около 35000 евреев. Из них около 26000 жило в городах (например, в Смоленске — 14812 евреев) [2]. В городе Велиж до войны было 11400 жителей, из них примерно 2000 были евреями. Это достаточно большое число евреев (по меркам Центральной России) объясняется близостью к так называемой «черте оседлости», в которую входили некоторые западные районы области. Поскольку Смоленская область была оккупирована в июле-начале августа 1941 г., значительная часть евреев (кроме Смоленска) эвакуироваться не успела. Кроме того, сюда стекались еврейские беженцы из БССР.

Как отмечает И.А.Альтман, 15-е гетто, где оказалось свыше 11000 узников, находилось в Смоленской области, в их числе — самое крупное гетто России (3000 узников) было создано в Смоленске в начале августа 1941 г. [3].

Смоленское гетто существовало с 5 августа 1941 по 15 июля 1942 года, под него оккупационные власти выделили возле еврейского кладбища около 80 частных домов. Оттуда их выгоняли на принудительные работы за скудный паек, нетрудоспособные евреи никакой еды не получали. Население гетто сокращалось от голода,

холода, болезней и постепенного уничтожения. А 15 июля 1942 года из гетто в направлении деревни Магалинщина органы полевой жандармерии и смоленские полицейские вывезли около 2000 оставшихся евреев, где их убили при помощи газенвагенов.

Методы и формы уничтожения еврейского населения были близки к использовавшимся для уничтожения евреев Восточной Белоруссии. Это объясняется тем, что его организовывала одна и та же айнзатцгруппа, действовавшая в тыловых районах группы армий «Центр». В уничтожении евреев активно участвовали также местная полиция и, в ряде случаев, войска вермахта.

Таким образом, уничтожение евреев в Смоленской области проходило в течение двадцати месяцев. Можно выделить два пика казней: в октябре — ноябре 1941 г. и феврале — марте 1942 г. Отдельные группы евреев выявлялись и уничтожались до последних дней оккупации области. Исследователи приводят различные данные о массовых расстрелах евреев в 28 населенных пунктах Смоленщины. По подсчетам И.А.Альтмана, на территории Смоленской области нацистами и их пособниками было уничтожено около 18000 евреев [3].

Даже после уничтожения смоленских евреев оккупанты и коллаборационисты продолжали вести антисемитскую пропаганду в Смоленской области. Одним из удобных поводов обвинить евреев стала Катынская трагедия и ее расследование нацистами в 1943 году. Так, священник-коллаборационист Николай Шиловский в своей статье «Непримиримые враги христианства» связывал историю гонений на Русскую православную церковь с евреями и упомянул Катынь как факт еще одного преступления против христианских народов: «Небывалые в истории злодеяния проводились жидами. Недавно перед всем миром раскрылось новое злодеяние — массовое убийство в Катынском лесу. Близится час последнего ответа. Нет и не может быть примирения с ними. Смерть еврейства — смерть сатанистов. Жидовство — непримиримый враг христианства» [4]. Однако после войны советская власть подвергла цензуре тему Катыни и не дезавуировала антисемитские материалы, связанные с ней.

Суды над военными преступниками производились по указу Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Краткий текст указа обобщал все преступные действия (включая уничтожение евреев) и преступное бездействие оккупантов одной формулой «совершение убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев». Некоторые уточнения этой формулы были в других ведомственных нормативных актах. Так, в положении «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников», утвержденном Прокурором СССР 26 июня 1943 г., вводился примерный перечень признаков преступных действий нацистов, которые военные следователи и дознаватели должны были раскрывать [5]. Это были факты убийств мирных граждан; насилий; издевательств и пыток над беззащитными людьми (женщинами, детьми, стариками), увода в рабство; пыток и истязаний в отношении пленных, больных и раненых советских военнослужащих. Принудительный труд на оккупантов (в том числе и в гетто) часто сопровождался убийствами и пытками, поэтому эти преступления входили во многие обвинительные заключения.

За 1943—1947 гг. было проведено 18 открытых судов над немецкими военными преступниками в наиболее пострадавших городах: Харьков, Смоленск, Брянск, Ленинград, Николаев, Минск, Киев, Великие Луки, Рига, Сталино (Донецк), Бобруйск, Севастополь, Полтава, Кишинев, Чернигов, Витебск, Новгород, Гомель. Поскольку все остальные суды в СССР над нацистами были закрытыми, а их материалы не публиковались, то эти 18 открытых судов особенно важны для научного анализа. На открытых судах часто звучали уникальные свидетельства самих преступников и их жертв о Холокосте. Это уникальный источник, доступный лишь фрагментарно (в России большинство этих уголовных дел не выдается исследователям).

Предположим, что выбор Смоленска для проведения первого открытого суда над немецкими военными преступниками в РСФСР мог быть связан с началом Нюрнбергским процессом (на котором предполагалось рассмотрение Катынской трагедии). Хотя тема Катыни на Смоленском суде не звучала (в отличие от Ленинградского суда декабря 1945 года), но убедительная демонстрация преступлений оккупантов могла косвенно поддержать советскую версию Катынской трагедии.

Хотя масштабы преступлений в Смоленской области означают тысячи виновных, найти и осудить удалось немногих. Например, командующий войсками по охране тыла армейской группы «Центр» М. фон Шенкендорф умер от болезни сердца еще в 1943 году. Поэтому на скамье подсудимых Смоленского процесса (15—20 декабря 1945 г.) сидело лишь десять унтер-офицеров и ефрейторов. Все они признались в своих жестоких преступлениях еще на стадии следствия. Так, старший солдат Й.Райшман был дрессировщиком собак 350-го пехотного полка и травил жителей Смоленска овчарками. Также Райшман участвовал в массовом расстреле мирного гражданского населения (скорее всего, евреев) в поселке Монастырщина и в нескольких деревнях под Смоленском, в городе Борисове, где было истреблено свыше 12 тысяч советских граждан: «Государственный обвинитель (обращаясь к подсудимому): — Были ли среди расстрелянных мирных жителей Монастырщины дети? Райшман: — Были...» [6].

Подсудимый Р.Кишфельд лично командовал карательным отрядом, расстреливал жителей деревень, жег их дома, травил арестованных евреев в «душегубках» (газенвагенах). Все остальные подсудимые (В.Вайс, К.Гаудиян, Ф.Генчке, Э.Мюллер, В.Краузе, Г.Винклер, Э.Эвертс) также участвовали в убийствах военнопленных и в карательных акциях. Об этом на суде сообщали они сами, а также выступали свидетели, зачитывались экспертизы, акты ЧГК.

Поскольку Смоленский процесс совпал с началом Нюрнбергского трибунала, их сравнивали не только газеты, но также сторона обвинения и защиты. Так, в Смоленске государственный обвинитель Л.Н.Смирнов (через месяц он стал помощником главного обвинителя от СССР Р.А.Руденко на Нюрнбергском трибунале) выстраивал цепочку преступлений от нацистских главарей, обвиняемых в Нюрнберге, до конкретных 10 палачей на скамье подсудимых: «Как те, так и другие являются участниками одного и того же сообщничества». Адвокат Казначеев тоже говорил о связи преступников Нюрнберга и Смоленска, но с другим выводом: «Знак равенства не может быть поставлен между всеми этими лицами» [6].

Вечером 19 декабря военный трибунал зачитал приговор, по нему Р.Кишфельд, Р.Модиш, В.Вайс, К.Гаудиян, Ф.Генке, Э.Мюллер, В.Краузе приговаривались к смертной казни через повешение. Й.Райшман — к 20 годам каторжных работ; Э.Эвертс — к 15 годам каторжных работ; Г.Винклер — к 12 годам каторжных работ. На следующий день 20 декабря 1945 года пятьдесят тысяч жителей Смоленска увидели казнь семерых преступников на Заднепровской площади. О суде и казни написали газеты «Правда», «Известия», «New York Times» и местные издания, был снят документальный фильм «Судебный процесс в Смоленске» (1946 год, режиссер Эсфирь Шуб).

Хотя на суде в Смоленске 1945 года преступления против евреев и уничтожение гетто не выделялись в отдельную группу, но они постоянно фигурировали в судебных материалах с упоминанием слов «гетто» и «евреи». Эти материалы фильтровались в пропаганде, где национальность жертв и понятие «гетто» исключалась. Пропаганда описывала преступления против «жителей» или «советских» людей». Вот как пересказывает корреспондент центральной газеты «Известия» показания свидетеля об уничтожении гетто Смоленска: «Свидетельница А.И.Петрова сообщает суду, что немцы, ворвавшись в Смоленск, начали жестоко расправляться с советскими людьми. Целыми семьями люди выгонялись из родных домов. Лишенные питания и тепла, люди болели и ежедневно умирали сотнями. В ночь с 14 на 15 июля 1942 года немцы окружили район Верхних Садков. На утро всех жителей этого района выгнали из домов. Через некоторое время подошли две темно-серые машины без окон с задней дверью. Жители поняли, что это “душегубки”, что попавших туда ожидает страшная смерть. И вот несчастных стали загонять в машины. У матерей отнимали детей и бросали в машины, как дрова. Свидетельнице удалось спрятаться... Несколько раз прошли немецкие машины, слышались приглушенные стоны. К 2 часам дня 15 июля все жившие в Верхних Садках были вывезены немцами. Позже стало известно, что их привезли в деревню Магалинщина и там уже мертвыми закопали в ямы. Чтобы скрыть свои преступления, немцы сравняли могилы с землей и утрамбовали тракторами» [6].

Хотя жертвы Холокоста в смоленских материалах были лишены национальности, мы не можем утверждать, что это было частью цензурной системы. Спустя месяц в газете «Известия» в репортаже о Минском процессе прямо цитирован диалог прокурора и подсудимого Айка о гетто города Орша: «Айк... организовал для евреев гетто и что по его приказу все население гетто было истреблено. Прокурор: “Скажите, подсудимый, в чем было виновато еврейское население?” Айк: “Ни в чем. Это выполнялась программа нацистской партии Германии”» [7]. Следовательно, даже в рамках одной газеты «Известия» за декабрь — январь тема Холокоста могла освещаться по-разному в разных судах. Мы можем объяснить это разной степенью самоцензуры журналистов.

В уничтожении смоленского гетто также участвовали коллаборационисты из русской полиции, но их следов нет в пропагандистских материалах о суде в Смоленске 1945 года. Это характерно для большинства советских открытых процессов 1940-х годов против военных преступников. Например, бургомистр Смоленска (а затем и Бобруйска) Борис Меньшагин был осужден закрытым судом на 25 лет в 1951 году. Возможно, публичный суд над Меньшагиным и его сотрудниками выявил бы новые факты о Холокосте в Смоленске, но этого не произошло, тема коллаборационизма после войны стала закрытой. Из-за этой политической цензуры были упущены многие военные преступники. Так, четверо из пяти фигурантов суда в Смоленске 1960 года (за сожжение евреев в гетто смоленского города Велижа) уже были тайно осуждены в 1945—1949 гг. по статье 58-1а (Измена Родине) и 58-1б (Измена со стороны военного персонала), после чего амнистированы в 1955 году.

Таким образом, тема уничтожения гетто на суде в Смоленске 1945 года звучала только в общем ряду преступлений, хотя акты Чрезвычайной Государственной комиссии об уничтожении евреев использовались следствием. С началом кампании против космополитов в 1948 году упоминания об уничтожении нацистами евреев СССР постепенно исчезают из советской прессы до конца 1950-х годов, когда борьба с забвением нацистских преступлений в странах Запада вернула этот сюжет в пропаганду. Лишь в 1967 г. на месте гибели евреев Смоленска установлен памятник погибшим «узникам гетто».

Многие суды над военными преступниками шли в тех городах СССР, где был Холокост и велась антисемитская пропаганда нацистов. Но журналисты не использовали тему Холокоста для борьбы с нацистской пропагандой антисемитизма. Возможно, это одна из причин распространения антисемитизма в СССР после войны.

Материалы всех судов над военными преступниками были засекречены в СССР (включая суд в Смоленске 1945 года), даже родственники жертв не имели к ним доступ. Сейчас судебные материалы хранятся в центральном архиве ФСБ и недоступны для исследователя. Поэтому многие суды над военными преступниками не включены в российскую культуру памяти и почти неизвестны обществу. Следовательно, весь нарратив о Холокосте в Смоленске базируется на искаженных материалах советской пропаганды и немногочисленных новейших исследованиях.

Все меньше остается очевидцев Холокоста, ежегодно снижается шанс на полное расследование и проведение открытых судов. Однако военные преступления не имеют срока давности согласно конвенции ООН, поэтому научные исследования Холокоста имеют еще и прикладное юридическое значение. Необходимо искать новые данные и привлекать к суду всех пока еще живых подозреваемых.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-21-08001 «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943—1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации».

1. Корсак А.В., Стеклов М.Е. Смоленск // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. С. 915-918.
2. Голанд Ш. Велижское гетто: Смоленская область XI.1941—I.1942. М.: Дом еврейской книги, 2012. С. 12.
3. Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. М.: Фонд «Холокост», 2002. 320 с. (Глава 3. Гетто и лагеря на территории СССР).
4. Коллаборационистская газета Смоленска «Новый путь», 23 апреля 1943 года.
5. Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941—1956 гг. Волгоград, 2005. С. 29.
6. Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в городе Смоленске и Смоленской области, заседание 19 декабря // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. № 297(8907) от 18 декабря 1945 г. С. 2.
7. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. № 18(8934) от 20 января 1946 года. С. 5.

References

1. Korsak A.V., Steklov M.E. Smolensk. Kholokost na territorii SSSR: Ehntsiklopediya. Moscow, 2009, pp. 915-918.
2. Goland Sh. Velizhskoe getto: Smolenskaya oblast' XI.1941—I.1942 [Velizh ghetto: Smolensk region XI.1941 — I.1942.]. Moscow, 2012, p. 12.
3. Al'tman I.A. Kholokost i evreyskoe soprotivlenie na okkupirovannoy territorii SSSR [The Holocaust resistance of the Jews in Nazi-occupied territories of the USSR]. Moscow, 2002. 320 p. (Glava 3. Getto i lagerya na territorii SSSR).
4. Novyy put', 23 aprelya 1943 goda [Smolensk collaboration newspaper New Way, April 23, 1943.].
5. Epifanov A.E. Otvetstvennost' za voennye prestupleniya, sovershennyye na territorii SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941—1956 gg [Responsibility for the war crimes committed on the territory of the USSR during the Great Patriotic War. 1941—1956]. Volgograd, 2005, p. 29.
6. Sudebnyy protsess po delu o nemetsko-fashistskikh zverstvakh v gorode Smolenske i Smolenskoy oblasti, zasedanie 19 dekabrya [The trial of the fascist German atrocities in Smolensk and the Smolensk region, meeting on December, 19th]. Izvestiya Sovetov deputatov trudyashchikhsya SSSR, 18 dekabrya 1945 g., no. 297(8907), p. 2.
7. Izvestiya Sovetov deputatov trudyashchikhsya SSSR, 20 yanvarya 1946 goda, no. 18(8934), p. 5.

Astashkin D.Yu. The Holocaust and war crimes trials in Russia: The Smolensk Trial of 1945. In Smolensk, the first in Russia open trial of German war criminals (December 1945) was held, they were accused of destroying the Smolensk ghetto. Due to political constraints, the Holocaust was a double filter: legal and propaganda. In addition, there was no clear link between the organizers of the executions (German war criminals) and the perpetrators (collaborators) at the trial. Neither the court nor the propaganda did not show the Holocaust as a system. Propaganda did not contain information about the causes and motives of executions of Jews, about the links of specific organizers and performers. Thus, the Soviet court did not disavow the anti-Semitic propaganda of the Nazis, but simply kept silent about it. Materials of all trials of war criminals were classified in the USSR even for the relatives of the victims. Therefore, the narrative of the Holocaust in the Smolensk region and now is based on distorted materials of Soviet propaganda and a few studies. Therefore, we will try to present the conclusions obtained during the creation of the popular science exhibition “Soviet Nuremberg”.

Keywords: USSR, Smolensk, Trial, Holocaust, Nazi war crimes, ghetto, Collaborationism.

Сведения об авторе. Д.Ю.Асташкин — кандидат исторических наук, доцент; старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, strider-da@ya.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.11.2018.